

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-83-92

**«На Хвощинское»:
ономастическая аллюзия в «Грамматике любви»**

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexey-kozlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Объектом рассмотрения является фамилия персонажа в ономастиконе рассказа И. А. Бунина «Грамматика любви». Показано, что многократное упоминание Хвощинского включает в себе аллюзию, связанную с историей литературы второй половины XIX в. Статья включает в себе краткий обзор мемуарных источников и научной литературы, связанных с писательской деятельностью Н. Д. Хвощинской.

Предлагаемый вариант прочтения демонстрирует специфику сюжетной динамики, обусловленной ресурсом культурной памяти и рецептивными возможностями адресата. С одной стороны, возможно имманентное прочтение произведения, где имя героя включает в себе только те смыслы, которые обусловлены вербально-ассоциативным пространством текста. С другой – обращение к контекстам определяет напряженность мотива отчужденности и мизерабельности, а также включает в себе возможную авторскую игру, где, вслед за меной Хвощинский / Хвощинская реализуется игра Анна Бунина / Иван Бунин.

Ключевые слова

русская литература XX века, Хвощинская, символический капитал, имя и сюжет

Для цитирования

Козлов А. Е. «На Хвощинское»: ономастическая аллюзия в «Грамматике любви» // Сюжетология и сюжетология. 2025. № 4. С. 83–92. DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-83-92

© Козлов А. Е., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2025. № 4. С. 83–92
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 83–92

“To Khvoshchinskoye”: Onomastic Allusion in “The Grammar of Love” by Ivan Bunin

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexey-kozlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The article examines the onomastics of the story “The Grammar of Love” by I. A. Bunin, focusing on the recurring name “Khvoshchinsky”. It is shown that these multiple mentions allude to Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya, a writer active in the second half of the 19th century. The article provides a brief overview of memoir sources and scientific literature related to N. D. Khvoshchinskaya’s writing activity.

The proposed reading demonstrates the specificity of the plot dynamics, conditioned by the receptive capabilities of the addressee. On the one hand, an immanent reading of the text might limit the significance of the name Khvoshchinsky to the meaning derived solely from the verbal-associative context of the story. On the other hand, expanding the interpretative field to include the author Khvoshchinskaya highlights themes of alienation and miserability potentially intended by the author, where the exchange of Khvoshchinsky / Khvoshchinskaya prefigures the game Anna Bunina / Ivan Bunin.

Keywords

Russian literature of the 20th century, Khvoshchinskaya, symbolic capital, name and plot

For citation

Kozlov A. E. “To Khvoshchinskoye”: Onomastic Allusion in “The Grammar of Love” by Ivan Bunin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 83–92. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-83-92

«Грамматика любви» И. А. Бунина – миниатюра, комментированию и расшифровке которой посвящена обширная научная литература. В истории русской культуры не так много прозаических произведений малой формы, за исключением «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева, чья сверхсемантическая насыщенность, несмотря на предельно краткий объем, порождает принципиально несходные интерпретации [Капинос, Куликова, 2006]. При этом в отличие от «Стихотворений в прозе», часто анонимизирующих прототипы и нарочито снимающих конкретную номинацию [Алексеев, Назарова, 1982]¹, в «Грамматике любви», как и в других произведениях Бунина, имя заключает в себе сюжетный потенциал.

Исследователи неоднократно подчеркивали значение библиотеки, представленной в этом произведении [Hutchings, 1992; Жолковский, 2014; Капинос, 2014; Анисимов, 2015], однако в пространстве художественного текста «функция орде-

---

¹ Наиболее очевидное исключение – стихотворение в прозе «Памяти Ю. П. Вревской», продиктованное трагическим событием современности. На этом фоне контрастно выглядит стихотворение «Последнее свидание». Несмотря на узнаваемость Н. А. Некрасова, читателю предоставлена возможность прочитать миниатюру двояко: как некролог, связанный с эпизодом литературного быта, или же как обобщенную картину примирения друзей (что неизбежно резонирует с другими текстами цикла).

на, завещания, колоды карт, закладной или банковского билета и способность этих (или иных) предметов сыграть сюжетообразующую роль определяется их принадлежностью к внехудожественным социальным структурам» [Лотман, 2002, с. 303], это же касается и имени. В контексте творчества Бунина практически каждое имя не только включает в себе житейскую, биографическую страницу, но и отражает значение литературного опыта. Как отмечает К. В. Анисимов, «...при всём том, что классиков обычно ставят в пример, для Бунина их пантеон был с инструментальной точки зрения бесполезен: созданному ими искусству, по его мнению, нельзя было научиться. Стремление легитимировать себя в сфере притяжения классических эталонов вело писателя к утверждению литературного дара как врожденной ценности, своего рода генной мутации, передаваемой от предков к потомкам» [Анисимов, 2015, с. 16]. Тем большее значение приобретают имена писателей, принадлежащих к условному второму ряду (ярким примером такого тяготения становятся аллюзии к повести Я. П. Полонского «Груня» в рассказе «В одной знакомой улице» или реминисценции к романам П. Д. Боборыкина в рассказе «Тёмные аллеи»). Тем более закономерным оказывается созвучие фамилий книговеда-любителя в «Грамматике любви» и писательницы Н. Д. Хвощинской.

– Ты на Хвощинское, что ли, едешь? – крикнул Ивлев, высываясь под дождь.

– На Хвощинское, – невнятно отозвался сквозь шум дождя малый, с обвисшего картуза которого текла вода. – На Писарев верх...²

В последней авторской редакции рассказа имя «Писарев» (5 упоминаний) может отчетливо ассоциироваться с литературной критикой «Русского слова» и «Дела», в то время как «Хвощинский» (10 упоминаний) включает в себе и выбранный писательницей Н. Д. Хвощинской маскулинный псевдоним (Крестовский), и ее собственную девичью фамилию³.

Для второй половины XIX в. творчество Н. Д. Хвощинской как писателя и критика было заметным явлением [Строганова, 2019; 2025; Хогенбом, 2024]. Ее произведения появлялись на страницах крупных толстых журналов («Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Современник») и хорошо оплачивались, большинство читателей и начинающих писателей ставили ее в один ряд с А. Ф. Писемским, И. С. Тургеневым, М. В. Авдеевым, М. Е. Салтыковым-Щедриным⁴. Однако последние годы писательницы были омрачены болезнями, бедностью и постепенным забвением. Так, в пересказе В. И. Семевского чествования писательницы, инициированные рязанской молодежью, обнажили характерную надломленность и потерянность Хвощинской:

² Бунин И. А. Грамматика любви // Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост. А. К. Бабореко. М., 1995. Т. 4. С. 210.

³ Такое прочтение определяется концепцией имени-этимона в работах В. В. Мароши [2013].

⁴ Так, например, П. Д. Боборыкин упоминает Хвощинскую в одном ряду с названными писателями, стоящими в центре литературной жизни 1850–1860-х гг., а также пишет о гонораре: «Сторублевая плата считалась прекрасным гонораром. Ее получал, например, один из самых выдающихся беллетристов, В. Крестовский – псевдоним, то есть Н. Д. Хвощинская. Такую же сторублевую плату имела она у нас в 1864 году» (Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1965. Т. 1. С. 409).

Меня окружили на крыльце. «Пользуемся возможностью прийти поблагодарить вас за сочувствие к молодому поколению». – Ура! (это мне-то!). Другой: «Я от семинарии; вы нас вызвали к жизни». Опять крик. Так мне стало тяжело и больно. Протягиваются мне руки, теснят так ласково. «Господа, – говорю, – если б мы могли теперь поздравить друг друга с какою-нибудь радостью, – если бы вам хоть немного лучше жилось...» Как я это выговорила – натурально, слышали, что были близко, – но они подняли такой крик, а за ними все, что уж ни я, ни меня, ничего больше не слышали. Два фонаря на улице, ряды голов и над всем ветер. Я, наконец, успела близким сказать: «уходите, простудитесь». Они кричать пуще, но я ушла. Хорошо это было и ужасно. Не знаю, как тяжело. В самом деле, если б нам было чем-нибудь порадовать друг друга. Смысл был бы. Положим, и теперь смысл: от молодых мизераблей поклон старому мизераблю. Но что же это? По сердцу знаю, что это не прошлогодние тургеневские овации. Нет, это точно припадание бедных детей к вдове-матери. И хорошо, что темно было и бурно. Ревела я одна много и, конечно, никому, кроме тебя, не рассказываю. Ну конечно, в городе знают. Но ведь я никого не вижу и не выхожу, все равно мне, знают или не знают ⁵.

В этом фрагменте показательным является и скромный масштаб провинциального праздника, и практически материнская забота писательницы о своих немногочисленных читателях. Ключевой в этой авторефлексии становится оценка себя и своих слушателей как мизераблей, а также сравнение чествований с прошлогодними овациями Тургеневу.

После смерти Хвоцинской ее литературное наследие утратило свое значение. Как отметил С. Н. Кривенко, «чем же и как мы почтили её заслуги, которых так много? Несколькими краткими некрологами, в которых, помнится, рядом с похвалами, указывалось на второстепенную её роль среди корифеев 40-х и 60-х годов и на второстепенные размеры её таланта» ⁶. Причины утраты популярности и периферийного статуса Хвоцинской в стремительно меняющейся историко-литературной ситуации первой половины XX в. многообразны. Во-первых, несмотря на очевидную параллель между тремя сестрами Бронте и тремя сестрами Хвоцинскими, литературный быт второй половины XIX в. в российском и викторианском обществах значительно отличался [Хогенбом, 2024] ⁷. В связи с этим симптоматично нежелание писательницы подписывать свои произведения подлинным именем: «Если даже не все писатели, подписывающие свое имя, имеют право на биографию, то псевдонимы вовсе не имеют никаких биографий. Что такое псевдоним? Никто. Так что же говорить о нем?...» ⁸. Так, сама писательница повлияла на механизмы, стирающие имя из культурной памяти. Во-вторых, на таком затворничестве могли отразиться и обстоятельства личной жизни: несча-

⁵ Цит. по: *Семевский В. И.* Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская // *Русская мысль*. 1890. Т. 11. С. 87. Не менее любопытна подготовка поздравительного адреса, также сильно подействовавшая на писательницу (см.: *Строганова Е. Н.* «Свободное чувство искреннего уважения...». Приветственный Адрес Н. Д. Хвоцинской в контексте становления жанра // *НЛО*. 2026. № 1. С. 35–78. (в печати)).

⁶ *Кривенко С. Н.* Воспоминания о Салтыкове // *Исторический вестник*. 1890. Т. 42–43. С. 8.

⁷ См. также: *Зубков К. Ю.* Почему Надежда Хвоцинская не была викторианской писательницей: Литературная критика, кризис либерализма и эмансипация пансионерки в начале 1860-х годов // *НЛО*. 2026. № 1. С. 14–34. (в печати)

⁸ Цит. по: [«Я живу от почты до почты...», 2001, с. 65].

стливое замужество с И. И. Зайончковским, продолжительная болезнь, наконец, связь с В. А. Москалевой, вызвавшая раздоры в семье [Строганова, 2025].

Стремительные изменения литературного и культурного поля начала XX в. также вытесняли имя и память о нем. С одной стороны, этому способствовало появление массовой литературы, подписанной женскими именами и при этом не заключающей в себе какого-либо глубокого социального или экзистенциального конфликта⁹. С другой стороны, действующие стереотипы. Показателен, например, пренебрежительный отзыв А. А. Блока, оставленный в его дневнике: «Читаю поэму Хвощинской (Н. Д.) “Деревенский случай” (1853). NB – 50 лет отделяют ее от “Перекрестка” П. С. Соловьевой – тот же формат, и то же... *женское бессилие, неграмотность, невечность*»¹⁰. Показательны и попытки возвращения имени писательницы из забвения, характерные для литературы русской эмиграции. Ярким свидетельством такого опыта является эссе А. В. Амфитеатрова «Жили-были три сестры»:

...недавно один хороший знаток новейшей русской литературы, ходячий словарь ее имен и библиографии, спросил меня, точно ли крупною писательницей была «В. Крестовский» и чей это псевдоним? Что псевдоним, он знал по отметке в скобках, которую В. Крестовский – Хвощинская ставила в подписи для отличия от Всеволода Крестовского. Так глухо забыта сочинительница «Большой Медведицы», «Баритона», «Попечителя учебного округа» и др., которую наши отцы чтили Тургеневу равною, «Вестник Европы» печатал на почетном «тургеневском» месте, критика уподобляла Бертольду Ауэрбаху и Фридриху Шпильгагену. А впрочем, если в корень смотреть, то много ли памянее теперь и сами-то Ауэрбах и Шпильгаген? Даже в Германии, не только у нас? От Кохановской – все-таки нет-нет, да кто-нибудь вспомнил классический рассказ «После обеда в гостях». Жадовскую от полного забвения спасет хрестоматическая «Нива моя, нива, нива золотая». Но, вооб-

⁹ Заметим, что на механистичность произведений Чарской указывал Чуковский: «...мне даже стало казаться, что никакой Чарской нет на свете, а просто – в редакции “Задуманного слова”, где-нибудь в потайном шкафу, имеется заводной аппаратик с дюжиной маленьких кнопочек, и над каждой кнопочкой надпись: “Ужас”, “Обморок”, “Болезнь”, “Истерика”, “Злодейство”, “Геройство”, “Подвиг”, – и что какой-нибудь сонный мужчина, хотя бы служитель редакции, по вторникам и по субботам засучит рукава, подойдет к аппарату, защелкает кнопочками, и через два или три часа готова новая вдохновенная повесть, азартная, вулканически-бурная, – и, рыдая над её страницами, кто же из детей догадается, что здесь ни малейшего участия души, а всё винтики, пружинки, колесики!.. Конечно, я рад приветствовать эту новую победу механики. Ведь сколько чувств, сколько вдохновений затрачивал человек, чтоб создать “произведение искусства”! Теперь наконец-то он свободен от ненужных творческих мук!» (Чуковский К. Лидия Чарская // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 158).

¹⁰ Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ, 1982. Т. 92, кн. 3. С. 103. В этом отзыве о поэзии Хвощинской Блок идет вслед за критикой 1850-х гг.: «поэт, которому следует употребить свой поэтический дар на что угодно – на прозу, на драмы, на выписки из книг, на романы, но только не на составление стихотворений» ([Дружинин А. В.] Письма Иногороднего подписчика о русской журналистике // Библиотека для чтения. 1853. Т. 119. С. 5); «Мы бы почли себя счастливыми, если бы наши немногие замечания способствовали к тому, чтобы сочинительница «Деревенского случая» решилась отказаться от повестей в стихах. Ей дано все нужное для того, чтобы удачно писать прозой» [Некрасов Н. А. Dubia] // Современник. 1854. № 1. С. 7). Заметим, что во всех приведенных контекстах обсуждается исключительно поэтическое творчество.

ще-то, об этой поэтессе, когда-то популярной наравне чуть не с Некрасовым и Никитиным, а с Плещеевым-то уж всеконечно, сохранилось только И. А. Буниним воскрешенное, не весьма эстетическое воспоминание, что она умерла, провалившись в отхожее место¹¹.

Несмотря на то, что в центре эссе Амфитеатрова стоит феномен женской беллетристики, закономерности, представленные в публицистическом ключе, распространяются на поле беллетристической литературы как таковой¹². К этому относится и общая интенция реабилитировать, обелить имя беллетриста, поставив его в один ряд с фигурой первого литературного ряда, и идея «глухого имени», остающегося в культурной памяти через серию часто непонятных фраз и идиом, и даже курьезно-анекдотическая смерть, содержащая в себе метафору гибели в культурном пространстве (упоминание Жадовской, якобы провалившейся в отхожее место).

В изданном на сегодня собрании сочинений Бунина упоминание Жадовской, а тем более обстоятельств ее смерти, отсутствует. По-видимому, этот анекдот (не Бунину принадлежащий) восходит к более раннему упоминанию смерти И. А. Баркова, однако в данном случае он десемантизирован. Как бы то ни было, в «Грамматике любви» имя героя заключает в себе противоположные эстетические смыслы.

Хвоцинский в «Грамматике любви» – близкий к созерцателям и антикам – находится во власти двух сильных страстей: литературы и любви к крепостной Луше. Пунктир биографии Хвоцинской, включая затворничество от каких-либо конфиденентов, совпадает с фабулой жизни героя Бунина, а характерный элелизм «Грамматике любви» кажется связанным не только с поэтикой Тургенева, но и его талантливой современницы. Однако, в отличие от своего вероятного прототипа, Хвоцинский обладает наивысшим знанием: создавая глубоко вторичное и неоригинальное стихотворение, он в то же время обретает возможность самой фиксации бытия, выступая прямым предшественником Годунова-Чердынцева и Юрия Живаго.

Итак, расшифровка ономастической аллюзии оставляет несколько валентностей интерпретации. Во-первых, Хвоцинский – это имя, заключающее в себе расширительную семантику, не связанное с какими-либо ассоциациями в культуре¹³.

---

¹¹ Амфитеатров А. В. Жили-были три сестры // Амфитеатров А. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 4. С. 65. Статья любопытна тем, что Амфитеатров пишет об общих закономерностях культурной памяти, показывая, как вслед за Б. Ауэрбахом и Ф. Шпильгагеном были забыты русские беллетристы второй половины XIX в.

¹² Сходная идея, возвращающая читателя к концепции «литературной аристократии», представлена у В. Ф. Ходасевича в очерке о Е. П. Ростопчиной: «Однако же, до какой степени смешивала она литературные отношения с личными, как наивно выделяла женскую литературу из литературы вообще, как и в поэзии, точно на балу, соперничала она прежде всего с женщинами» (Ходасевич В. Ф. Е. П. Ростопчина // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 12 т. М., 1996. Т. 2. С. 22).

¹³ «Эта “мертвая книга” как бы противопоставлена “живому персонажу” – наследнику Хвоцинского, молодому человеку, ведущему какое-то выморочное, тусклое, *полурастительное существование*» [Блюм, 2001, с. 102]. Сходная интерпретация представлена и у А. К. Жолковского: «хвощи – уникальные в современной флоре остатки древних папоротниковидных»; «фамилия с коннотациями Древности» [Жолковский, 2014, с. 222, 223].

Во-вторых, Хвощинский оказывается однофамильцем талантливой, но забытой в первой трети XX в. писательницы. Угасание имени в культурной памяти усиливало растительные ассоциации в произведении, обуславливая имманентную интерпретацию текста. Однако изменение статуса Хвощинской в XXI в. свидетельствует о возможных сдвигах (обусловленных гендерным поворотом¹⁴) в тектонике литературного канона. Получившее новую семантическую жизнь в культуре, это имя не только дополняет историю литературы, часто излишне патриархальную, но и вторично семантизирует отдельные сюжеты.

В этом контексте «Хвощинский» становится едва ли не созвучным обратной трансформации имени Анны Буниной в Ивана Бунина¹⁵, обозначая путь и движение от архаистов к новаторам и выстраивая новые траектории идентичности и метатекста.

Список литературы

- Алексеев М. П., Назарова Л. Н. Примечания. Стихотворения в прозе // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 442–475.
- Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск: СФУ, 2015. 147 с.
- Блюм А. В. Из бунинских разысканий // И. А. Бунин: pro et contra. СПб., 2001. С. 678–681.
- Жолковский А. К. Еще раз о грамматике любви // Звезда. 2014. № 12. С. 220–225.
- Зубков К. Ю. Почему Надежда Хвощинская не была викторианской писательницей: Литературная критика, кризис либерализма и эмансипация пансионерки в начале 1860-х годов // НЛЮ. 2025. № 6. С. 14–34.
- Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: ЯСК, 2014. 247 с.
- Капинос Е. В. Стихи и книги Хвощинского (И. Бунин «Грамматика любви») // Филологos. 2023. № 2. С. 30–35.
- Капинос Е. В., Куликова Е. Ю. Лирические сюжеты в стихах и прозе XX века. Новосибирск, 2006. 336 с.
- Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. 769 с.
- Мароши В. В. Имя автора в русской литературе: поэтическая семантика, прагматика, этимология. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 202 с.
- Приказчикова Е. «Дивный феномен нравственного мира»: жизнь и творчество камской амазонки Надежды Дуровой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 594 с.
- Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛЮ, 2007. 440 с.

¹⁴ См. об этом: [Савкина, 2007; Приказчикова, 2018; Строганова, 2019; Hoogenboom, 2025]. См. также: Hoogenboom H., Berman A. The Sisters Khvoshchinskaja / Ed. by H. Hoogenboom, A. Berman. DeKalb, IL: Northern Illinois Uni. Press, 2026. 303 p. (в печати)

¹⁵ Другая автопроекция – Ивлев, чья фамилия включает очевидное стяжение Иван + Лев (для последователя Тургенева и биографа Толстого был характерен такой подчеркнуто игровой прототипизм [Капинос, 2023]).

Строганова Е. Н. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. С. 297–305.

Строганова Е. Н. «Мне нужны близкие, самые близкие»: К биографии Н. Д. Хвощинской // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 130–171. DOI 10.22455/2541-8297-2025-36-130-171

Хогенбом Х. Переопределяя смысл жизни: история русской литературы XIX века и женщины-писательницы // НЛО. 2024. № 4. С. 61–70. DOI 10.53953/08696365_2024_189_5_61

«Я живу от почты до почты...» Из переписки Надежды Дмитриевны Хвощинской / Сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Verlag F. K. Göpfert, 2001. 271 с.

Hutchings S. Towards the Grammar of (a) Love: Bunin's Impossible Journey // Modern Language Studies. 1992. No. 22, 3. P. 17–35.

Hoogenboom H. Noble Sentiments and the Rise of Russian Novels: A European Literary History. Toronto: Uni. of Toronto Press, 2025. 232 p.

Список источников

Амфитеатров А. В. Жили-были три сестры // Амфитеатров А. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 4. С. 60–65.

Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1965. Т. 1. 590 с.

Бунин И. А. Грамматика любви // Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост. А. К. Бабореко. М., 1995. Т. 4. С. 208–214.

[Дружинин А. В.] Письма Иногороднего подписчика о русской журналистике // Библиотека для чтения. 1853. Т. 119. С. 1–37.

Кривенко С. Н. Воспоминания о Салтыкове // Исторический вестник. 1890. Т. 42–43. С. 112–124.

[Некрасов Н. А. Dubia] // Современник. 1854. № 1. С. 1–38.

Семевский В. И. Н. Д. Хвощинская-Зайончковская // Русская мысль. 1890. Т. 11. С. 82–103.

Ходасевич В. Ф. Е. П. Ростопчина // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 12 т. М., 1996. Т. 2. С. 20–42.

Чуковский К. Лидия Чарская // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 155–169.

References

Alekseev M. P., Nazarova L. N. Primechaniya. Stikhotvoreniya v proze [Poetry in Prose. Review]. In: Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Collected works]. In 30 vols. Moscow, Nauka, 1982, vol. 10, pp. 442–475. (in Russ.)

Anisimov K. V. “Grammatika lyubvi” I. A. Bunina: tekst, kontekst, smysl [“Grammar of Love” by I. A. Bunin: text, context, semantics]. Krasnoyarsk, SFU Press, 2015, 147 p. (in Russ.)

Blyum A. V. Iz buninskikh razyskaniy [Bunin's poetry Review]. In: Ivan Bunin: pro et contra. St. Petersburg, 2001, pp. 678–681. (in Russ.)

Hoogenboom H. Noble Sentiments and the Rise of Russian Novels: A European Literary History. Toronto, Uni. of Toronto Press, 2025, 232 p.

Hutchings S. Towards the Grammar of (a) Love: Bunin's Impossible Journey. *Modern Language Studies*, 1992, no. 22, 3, pp. 17–35.

Kapinos E. V. Poeziya Primorskikh Al'p: rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov [Poetry of the Maritime Alps: novels by I. A. Bunin from the 1920s]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2014, 247 p. (in Russ.)

Kapinos E. V. Stikhi i knigi Khvoshchinskogo (I. Bunin "Grammatika lyubvi") [Chkvoshinsky's Poetry and Library]. *Filologos*, 2023, no. 2, pp. 30–35. (in Russ.)

Khogenbom Kh. Pereopredelyaya smysl zhizni: istoriya russkoi literatury XIX veka i zhenshchiny-pisatel'nitsy [Rethinking the Meaning of Life: 19th Century Russian Literary History and Women Writers]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 61–70. (in Russ.) DOI 10.53953/08696365_2024_189_5_61

Kapinos E. V., Kulikova E. Yu. Liricheskie syuzhety v stikhakh i proze XX veka [Lyrical plots in poetry and prose of the 20th century]. Novosibirsk, 2006, 336 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, 2002, 769 p. (in Russ.)

Maroshi V. V. Imya avtora v russkoi literature: poeticheskaya semantika, pragmatika, etimologiya [The author's name in Russian literature: poetic semantics, pragmatics, etymology]. Novosibirsk, 2013, 202 p. (in Russ.)

Prikazchikova E. "Divnyi fenomen npravstvennogo mira": zhizn' i tvorchestvo kamskoi amazonki Nadezhdy Durovoy ["Wonderful phenomenon of the moral world": the life and work of the Kama Amazon Nadezhda Durova]. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, 2018, 594 p. (in Russ.)

Savkina I. Razgovory s zerkalom i zazerkal'em [Conversations with a Mirror and Through the Looking Glass. Self-documentary women's texts in Russian literature of the first half of the 19th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 440 p. (in Russ.)

Stroganova E. N. "Mne nuzhny blizkie, samye blizkie": K biografii N. D. Khvoshchinskoy ["I Need Close People, the Closest Ones": On the Biography of N. D. Khvoshchinskaya]. *Literaturnyy fakt*, 2025, no. 2 (36), pp. 130–171. (in Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2025-36-130-171

Stroganova E. N. Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoi literatury XIX veka [Classics and Contemporaries: Gender Realities in the History of Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, 2019, pp. 297–305. (in Russ.)

"Ya zhivu ot pochty do pochty..." Iz perepiski Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoy ["I live from one post office to the next..." From the correspondence of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya]. Comp. by A. Rozenholm, Kh. Khogenbom. Fichtenwalde, Verlag F. K. Göpfert, 2001, 271 p. (in Russ.)

Zholkovsky A. K. Eshche raz o grammatike lyubvi [Review of Grammatika lyubvi]. *Zvezda*, 2014, no. 12, pp. 220–225. (in Russ.)

Zubkov K. Yu. Pochemu Nadezhda Khvoshchinskaya ne byla viktorsianskoi pisatel'nitsei: Literaturnaya kritika, krizis liberalizma i emansipatsiya pansionerki v nachale 1860-kh godov [Why Nadezhda Khvoshchinskaya was not a Victorian writer: Literary criticism, the crisis of liberalism and the emancipation of a boarding school girl in the early 1860s]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2025, no. 6, pp. 14–34. (in Russ.)

List of Sources

- Amfiteatrov A. V. Zhili-byli tri sestry [Once upon a time there were three sisters]. In: Amfiteatrov A. V. Collected Works: In 10 vols. Moscow, 2002, vol. 4, pp. 60–65. (in Russ.)
- Boborykin P. D. Za polveka. Vospominaniya [Half a Century. Memoirs]. Moscow, GIKhL, 1965, vol. 1, 590 p. (in Russ.)
- Bunin I. A. Grammatika lyubvi [The Grammar of Love]. In: Bunin I. A. Collected Works. In 8 vols. Comp. by A. K. Baboreko. Moscow, 1995, vol. 4, pp. 208–214. (in Russ.)
- Chukovsky K. Lydia Charskaya. In: Chukovsky K. I. Collected Works. In 6 vols. Moscow, 1969, vol. 6, pp. 155–169. (in Russ.)
- [Druzhinin A. V.] Pis'ma Inogorodnego podpischika o russkoi zhurnalistike [Letters from a Non-Resident Subscriber about Russian Journalism]. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading], 1853, vol. 119, pp. 1–37. (in Russ.)
- Khodasevich V. F. E. P. Rostopchina. In: Khodasevich V. F. Collected Works. In 12 vols. Moscow, 1996, vol. 2, pp. 20–42. (in Russ.)
- Krivenko S. N. Vospominaniya o Saltykove [Memories of Saltykov]. *Istoricheskii Vestnik* [Historical Bulletin], 1890, vol. 42–43, pp. 112–124. (in Russ.)
- [Nekrasov N. A. Dubia]. *Sovremennik* [The Contemporary], 1854, no. 1, pp. 1–38. (in Russ.)
- Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1890, vol. 11, pp. 82–103. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Information of the Author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.07.2025;
одобрена после рецензирования 12.08.2025; принята к публикации 12.08.2025
The article was submitted on 10.07.2025;
approved after reviewing on 12.08.2025; accepted for publication on 12.08.2025*